

АНАТОЛИЙ ТОРКУНОВ

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ И СОВРЕМЕННОЕ ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Первое десятилетие XXI века – время наиболее крупных мировоззренческих сдвигов в мире с момента разрушения bipolarности и распада Советского Союза. Во-первых, непредвиденным образом ведущие страны мира стали заметно чаще и откровенней прибегать к силе и угрозе ее применения, хотя еще десять лет назад казалось, что с уходом противостояния коммунизма и либерализма в международных отношениях наступит хотя бы относительное всеобщее замирение. Во-вторых, в мире появились новые по своим масштабам и глубине угрозы, главными из которых являются неостановимый процесс распространения ядерного оружия и ОМУ в целом, а также международный терроризм.

В-третьих, в международные отношения вернулась идеологизация, которая вопреки романтическим ожиданиям конца 1980-х и начала 1990-х годов, по-видимому, из них никогда не исчезала. Противоборство коммунистической идеи и либерализма в мире в самом деле угасает. Но вместо него угрожающе обострилось противостояние традиций и традиционных ценностей более фундаментального характера: между западным образом жизни и культурно-религиозным складом мира, в частности – исламского. *Особую опасность в этом конфликте представляет агрессивное стремление хорошо организованных сил в незападных частях мира в прямом смысле силой оружия доказать как минимум конкурентоспособность незападного образа жизни и культурного склада.*

С одной стороны, терроризм, компрометируя ислам, лозунги которого он переиначивает, откровенно угрожает сообществу развитых и развивающихся стран. С другой стороны, сами развитые страны, не всегда адекватно реагируя на такого рода проявления, стремятся военной силой не только обуздать терроризм, но и навязать всем незападным странам несвойственный тем тип политической самоорганизации, государственно-административного управления. В результате неизбежно провоцируется защитная «политико-имунная» реакция незападных стран на силовое давление Запада, а заложенный в этой естественной реакции энергетический выплеск перехватывается террористами и направляется в русло общего противостояния с западными странами.

Особая политическая и идейная деликатность момента состоит в том, что нынешнее противостояние может *против воли его участников* приобрести форму антагонизма между демократией и религией, демократией и местной традицией, демократией и естественным стремлением огромной части незападных ареалов мира жить согласно привычному укладу, продуманно и плавно изменяя его, но не позволяя ему полностью разрушиться.

1

За минувшие пятнадцать лет Российская Федерация прошла через два важных этапа своего развития и вступила в тре-

тий. На первом этапе, в 1990-х годах происходил слом и разбор старого. На втором этапе, в начале 2000-х годов наступила долгожданная, хотя и не совсем комфортная стабилизация. Важнейшей характеристикой нынешней, третьей фазы является ускоренный экономический рост и отражение в политическом процессе в России новых составляющих, иногда сложных для однозначной оценки.

В обществе сложился прочный консенсус относительно пользы и необходимости экономического роста. Несмотря на наличие в стране потенциала активности населения, добывающегося улучшения условий своей жизни, в целом блага экономической стабилизации в той или иной степени коснулись всех. Протестность сегодня связана фактически со стремлением разных групп *увеличить* в свою пользу долю приходящих в страну доходов от экспорта нефти и газа, в то время как 8–9 лет назад огромное большинство россиян просто едва могло *сводить концы с концами*.

Сложнейший вопрос политики по-прежнему заключается в том, как сохранить темпы роста, придав экономическому развитию характер процесса систематического самообновления и самосовершенствования, и в то же время свести к минимуму социальные и, говоря прямо, электоральные издержки курса в свете уже скорых думских и президентских выборов в России.

Внутри страны за минувшие полтора десятилетия произошли важные демографические, поколенческие и, следовательно, политические сдвиги. В пору активной деятельности вступило новое поколение россиян — людей, не знавших «бича» идеологического монополизма и диктатуры одной партии. В политическом и идейном смысле — это, наверное, самое свободное поколение граждан России с момента падения монархии. Это свидетельствует о том, что *стратегический вектор развития нашей страны — от несвободы к свободе — остается неизменным*.

Демократический строй, реальность политического выбора, неизбежность

принципа законной и регулярной сменяемости всех уровней власти, свобода доступа к информации и ее достоверность — базовые принципы внутренней политики России. Они уже достаточно усвоены россиянами, прочно укоренились на российской почве и врастают в нее все глубже. Мы еще не можем сказать, что приверженность свободе и демократии — это часть генетического кода российской нации, каждого россиянина. Однако нет ни смысла, ни оснований приукрашивать или упрощать реальную картину нашей политической жизни. Ни сегодня, ни через 50 лет российская демократия не сможет походить на модели демократического устройства во Франции, США или Германии, несмотря на то, что опыт всех трех этих стран, как известно, стремились учесть в свое время авторы российской Конституции при ее написании.

В России медленно, но несомненно складывается собственная, национально-своеобразная модель демократии. Объективно, независимо от воли правителей или зарубежных советников она возникает из соединения двух разнородных оснований: (1) принципов классической западной демократии; (2) комплекса традиционных российских представлений о допустимых с точки зрения общественной морали соотношениях между свободой и порядком, вольностью и долгом, терпением и воздаянием, верностью и покровительством.

Это два равнозначных основополагающих начала нашей модели демократии. Они одинаково важны для россиян и оба определяют наше политическое поведение. Мы видим, что традиционное, специфически российское не вымывается, не отмирает, а приспосабливается к заимствованному, обновляется вместе с ним, давая тот синтез, который и определяет особенности нашей демократической модели. Идейно российская модель демократии восходит к тем же источникам, что и демократии в западном мире. По формам же воплощения эта модель близка японской, индийской или южнокорейской. Главное отличие последних от классических образ-

цов состоит в том, что они складывались в другое «историческое время» и — как следствие — исходили из других предпосылок и факторов. Это можно сказать и о российской демократии.

Даже отрешившись от эмоционального подхода, не допускающего «общий архин», можно констатировать, что укорененность в традиции как раз и придает российской демократии необходимую ей опору в национальном сознании, обеспечивает жизнеспособность в конкретных условиях нашей страны.

Важнейшим системообразующим элементом российской демократии должно быть глубокое, честное и ответственное переосмысление национальной традиции в контексте современного мирового развития и тех задач, которые предстоит решить России *ради блага ее народа и не в ущерб народам других стран*. В противном случае традиция рискует перейти в качество консервирующего, тормозящего развитие фактора.

В российском мышлении, воспитанном в значительной степени на патерналистских идеалах, важную роль играет идея взаимной и морально соразмерной ответственности граждан и государства. При этом индивидуальная инициатива воспринимается с подозрением, особенно если она оборачивается неправдоподобно быстрым и сомнительным в правовом смысле обогащением. Можно возмущаться или испытывать удовлетворение в связи с такой констатацией. В том и другом случаях важно сознавать: *уровень зрелости нашей демократии соизмеряется и должен соизмеряться с реальным состоянием российского общества*.

Нужна не обязательно идеальная, но обязательно работающая, эффективная модель демократического государства. В поиске такой модели, конечно, неизбежно могут случаться ложные шаги и ошибки. Но надо четко усвоить, что демократия как модель общественного устройства может иметь и множественное число.

Рост активности молодежной составляющей российского общества в ее позитив-

ных и негативных (движения молодых радикалов) проявлениях — дополнительный стимул задуматься над тем, что права человека есть неотъемлемая часть идейного и политического фундаментов демократического государства в России.

Важно понимать права человека комплексно, во всем богатстве их значений. Права человека — это не только право на безопасную и достойную жизнь для каждого, свободу индивидуального самовыражения. Права человека — это и право на идентичность, а значит, и *право россиянина, русского человека в историческом значении этого слова, на ощущение своей принадлежности к большому, самому большому в мире, единому и прочному государству*. В этом индивидуальное право россиянина смыкается с идеей России как страны, нации и государства. Противопоставление государства и человека в современных российских условиях неуместно и неправильно. Государство должно тверже стоять на защите прав человека: защищая права граждан, оно защищает и самое себя.

Опыт развития передовых стран показывает: в условиях демократического развития оппозиция «государство — граждане» есть признак зрелости строя, как в США и Франции, а не атрибут его молодости, как в России. Сначала необходимо сильное и эффективное демократическое государство, которое озадачено построением мощной экономики и обеспечением безопасности, предоставлением гарантий против дискриминации по любым признакам — социальным, расовым, этническим, гендерным. И только когда государство становится «слишком сильным», начинается постепенное освобождение человека от опеки государства, эмансипация граждан от власти. Для России — это пока что вопрос будущего. Нам еще важнее не допустить в обществе экстремистских тенденций, в том числе фашиствующего и ксенофобского толка, подавить внутренние источники терроризма.

При этом стоит объективно оценивать практику сотрудничества России в правоохранительной области с международными ме-

ханизмами защиты прав человека, институтами социально-гуманитарного характера, в том числе и с Советом Европы. В дипломатической практике взаимодействие с ними создает много сложных и деликатных проблем. Однако в долгосрочной перспективе это взаимодействие идет на пользу российской демократии и российскому обществу, поскольку оказывает реформирующее и оздоравливающее воздействие на российскую политико-правовую действительность и на наши представления о стандарте прав человека — наших собственных неотъемлемых прав.

Под влиянием реальной ситуации, вместо ожидавшейся в 1990-х годах глобальной демократизации и либерализации, в человеческом мышлении наметилась тенденция все жизненные реалии воспринимать через призму безопасности. Такой сдвиг в сознании оказывается предпосылкой общего, возможно, временного отступления политического либерализма. Большинство граждан разных стран (США, России, Италии, Франции, Германии и Великобритании) невольно озабочено больше сохранением жизни и порядка, чем реализацией права на идентичность (какой бы причудливой она не была). Не случаен в этом смысле общий для развитых стран запрос на умеренный консерватизм, и ослабление позиций радикально-либеральных настроений в нашей стране отражает эту всемирную тенденцию. Как видно, Россия и в этом смысле не «выбивается» из общего контекста.

2

Совпадение России и развитых стран по тем или иным параметрам и тенденциям политического развития в какой-то мере может показаться случайным. Причислять нашу страну по этому признаку к клубу западных демократий было бы не совсем корректно. Гораздо более показательно то, что мы делаем сознательно.

Важным индикатором здесь является полновесное участие России в «группе восьми» («большой восьмерке»): именно оно символизирует принципиальный по-

литический выбор нашей страны в мировой политике. Этот долговременный, подтвержденный пятнадцатью годами сближения выбор определяется политикой фактического расширения и углубления партнерства с передовыми государствами.

В основе этого курса должна быть нацеленность дипломатии на своевременное уточнение национальных интересов страны и их отстаивание в упорном переговорном торге с партнерами. За пятнадцать — двадцать лет отношения России с Западом приобрели достаточный запас прочности. Мы стали гораздо больше доверять друг другу, преодолели синдром тотальной взаимной подозрительности. Сфера общих или близких интересов стала шире. Мы научились координировать свои действия в отношении многих глобальных проблем.

Не менее важно и другое: Россия и ее главные партнеры теперь умеют, даже не соглашаясь друг с другом, не впадать во враждебность и отчуждение. Партнерство предусматривает право на несогласие. Более того, если стороны в принципиальном плане настроены на сотрудничество, то разногласия полезны: преодолевая их, страны учатся находить компромиссы.

Деловые и откровенные обсуждения наших расхождений, скажем, в отношениях с США, Германией, Францией, Великобританией, Италией или Испанией — такая же нормальная черта, как и сотрудничество в вопросах борьбы с терроризмом, международным наркобизнесом и стабилизации всемирной системы снабжения энергоносителями. Сохраняющиеся разногласия уравниваются быстрорастущей сферой взаимозависимости.

Сегодня в Россию притекают реки нефтедолларов, которыми страна учится распоряжаться по-государственному. Поступления от экспорта энергоносителей по-прежнему остаются основой федерального бюджета. Соответственно, и фактор внешнего мира, всемирной экономической, политической и военной ситуации остается для жизни всех россиян более важным, чем мы о том любим думать и говорить.

Вот почему на нынешнем этапе резко повышается значение *эффективности международных отношений России*.

Внешняя политика и дипломатия сегодня — важнейший инструмент защиты национальных интересов нашей страны в обеспечении экономического благополучия, защиты гуманитарных и социальных прав россиян, их физической безопасности. С учетом по-прежнему скромных показателей уровня жизни россиян на общем международном фоне для нас неприемлема «затратная внешняя политика». Но ясно и то, что «экономить» на внешней политике — значит подрывать ее результативность в долгосрочном, стратегическом плане, лишать российскую дипломатию возможности *вывести страну на более благоприятные позиции в международном разделении труда с учетом важнейших новых тенденций, которые развиваются в сфере глобального производства, всемирной торговли и международных финансов*.

В политическом плане россияне сами еще далеко не всё себе объяснили. Не удивительно, что и зарубежным партнерам России не всё ясно относительно ее политики и перспектив. В этом смысле понимания становится больше, но и помех остается немало. Особенно когда в мире присутствует нервозность и своего рода кризис понимания перспективы глобального движения. «Всемирного торжества либерализма» не наступило, но и в призраке неотвратимой войны «ислама против Запада» (или наоборот) не верится.

В такой ситуации полезней бывает подумать о чем-то более земном и конкретном. Например, о том, что в мировом политическом сообществе уже давно говорят о многокультурности современного мира, но эти разговоры пока не удалось перевести в плоскость реального политехнического анализа, а тем более — внешнеполитической практики. Именно поэтому дипломаты и эксперты разных стран сталкиваются с большими трудностями при попытках адекватной интерпретации ситуаций вне евро-атлантического мира — особенно на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Понять и пресечь корни международного терроризма невозможно, если воспринимать действительность лишь через призму вульгарного универсализма, не стремясь вникнуть в непривычный и незнакомый культурно-политический контекст и выявить в нем как позитивное, так и опасное для неконфликтного сосуществования.

Понимание современного мира и своего места в нем крайне важно для нашей страны. Ведь нынешнее относительное внутреннее экономическое благополучие и отчасти политическая стабильность в высокой степени зависят от состояния внешнего контекста и эффективности внешней политики России. Но для начала международный контекст важно правильно понимать.

Между тем, в российском научном и политическом дискурсе, посвященном осмыслению международного контекста России, уже непропорционально много внимания уделяется борениям вокруг явно пройденных этапов мирового развития. Сколько можно притворяться, будто мы спорим по поводу перехода от биполярного к многополярному миру или глобальному демократическому обществу? И сколько можно «долбить» одни и те же тексты Ф. Фукуямы и С. Хантингтона, когда на глазах проявляются и остаются не проанализированными новые, в том числе опасные экономические, военные и политические аспекты глобализации, а страны Евросоюза, к примеру, с каждым годом все меньше становятся этнически европейскими?

Потребность в адекватном понимании происходящего заставляет отказываться от красивых, но безнадёжно архаичных, аналитически уже мертвых схем прошлого и позапрошлого веков — со всеми их примитивно исчисляемыми «полюсами» и «полярностями», хрестоматийными версиями центросиловых отношений. По сравнению с ними менее шаблонными кажется тезис об «изменчивой геометрии» (*variable geometry*) современной мироструктуры. Он, по крайней мере, совместим с представлением о различных скоростях

развития стран мира, возможности существования различных «специализированных полюсов» влияния на планете. Устоявшийся мир требует более изощренных вариантов рефлексии, для построения которых терминологический и понятийный аппарат науки XIX и XX веков просто недостаточен.

При всей стабильности тенденций экономического роста и укрепления влияния североамериканского, восточноазиатского и европейского центров вряд ли можно говорить о том, что именно эти ареалы (и именно в такой замкнутой, жесткой композиции) являются главными и исключительными игроками мировой экономической, политической и военной сцены, определяющими всё и вся.

Реальная практика показывает, что мировое влияние и конфигурация потенциалов превосходства начинает в возрастающей степени определяться более или менее временными «коалициями по случаю», ad hoc, то есть «целевыми альянсами», создаваемыми для решения тех или иных конкретных международных проблем. Хотя следует уточнить, конечно, что понятие ad hoc в глобальной политике может быть достаточно протяженным во времени.

Очевидно, подобные коалиции могут носить «межполюсный» характер. Это видно и на примерах борьбы с международным терроризмом. В круг его противников вошли, например, США, Россия и Китай – страны, принадлежащие к разным геополитическим массивам. Сходные конфигурации могут возникать и в сфере борьбы с распространением ядерного оружия, и, может быть, даже в связи с отношением к «универсальным» ценностям – демократии и правам человека. Россия как страна, относительно слабо ассоциированная с перечисленными выше центрами роста и имеющая широкий спектр глобальных и региональных приоритетов, является кандидатом на участие в максимально возможном числе подобных «целевых союзов».

Другое дело, что участие в подобных коалициях должно строиться на четком

осознании собственных интересов, понимании срока и глубины приемлемого вовлечения в ту или иную коалицию. В противном случае не избежать упреков в непоследовательности и несоординированности российской внешней политики. Цельность и последовательность – важные условия эффективной дипломатии. Но убедительность внешнеполитической платформы зависит и от четкости планов и позиций в вопросах внутреннего развития. Без выполнения этих условий «имидж России за рубежом» будет оставаться только бюрократическим словосочетанием.

З

Магистральной линией России остается повышение ее роли в международном управлении, то есть принятии ключевых международных решений по вопросам безопасности, политического развития и мировой экономики.

В этой связи, одна из важнейших задач современной российской внешней политики состоит в том, чтобы максимально способствовать формированию новой эффективной системы многосторонних отношений и глобального регулирования. Без решения этой задачи попытки решить другие будет затруднительны. Очевидно, что ныне существующая система многосторонних институтов глобального уровня сформировалась еще в рамках ялтинско-потсдамского порядка и несет на себе все родовые пятна того периода, а ее эффективность будет и дальше снижаться по мере удаления от момента распада старого миропорядка. А ведь уже прошло более пятнадцати лет.

Сказанное не следует рассматривать как призыв разрушить все до основания. Инструменты, доставшиеся в наследство от прошлого, можно и нужно перенастроить – это важная задача мирорегулирования на современном этапе. Примеры удачной перенастройки есть. Такие механизмы, как Международная организация труда, Красный Крест или Банк международных расчетов, родились в начале прошлого века, но успешно работают по сей

день, так как вовремя подоспевало их реформирование.

То же предстоит сделать в системе ООН, Мирового банка и Всемирной торговой организации (ВТО). Разумно вернуться к изначальной идее взаимоувязки финансово-экономических институтов и механизмов обеспечения безопасности. Когда-то это предполагалось создателями ООН, но не было сделано в силу идеологических различий и политической конфронтации между Востоком и Западом в середине прошлого века. Сейчас такого препятствия нет. Скорее наоборот: есть императив – глобализация, которая носит столь многогранный характер, что попытки воздействия на этот процесс разрозненными усилиями не позволяют его адекватно корректировать.

Россия через активное отстаивание своего видения реформы глобального управления имеет возможность обеспечить учет собственных долгосрочных внешнеполитических интересов. Запоздывание чреват повторением того опыта, который дает история присоединения нашей страны к ВТО. Запоздалое подключение к этому важнейшему механизму современной мирохозяйственной системы влечет ряд внешнеполитических издержек и напряженностей в контактах с партнерами, а также внутренние политические осложнения, связанные с необходимостью форсированного изменения российского экономического законодательства.

Особенно важен вопрос о будущей роли ООН. Если бы этой организации не было, то ее пришлось бы выдумать. Современная ситуация требует разветвленных каналов дипломатической и общественной коммуникации, согласования интересов и выработки хотя бы самого общего видения наиболее важных проблем. Эту роль ООН выполняет. Критика, которая раздается в ее адрес, в значительной степени связана с изначально завышенными ожиданиями в отношении Организации Объединенных Наций. Хотя само наличие этих ожиданий подтверждает принципиальную потребность в ней, а также в ее эффективном

функционировании. Вот почему «философский» взгляд на перспективы ООН может быть оптимистичным. Она способна наращивать позитивную динамику своей работы, теснее сотрудничая с другими многосторонними институтами, реально воздействующими на мировую политику и экономику. Иногда просто напрашивается объединение усилий ООН и «группы восьми», тем более, что последняя склоняется к публичности своей работы и расширяет сферу своей деятельности. Возможно, статус «хозяина» сессии «группы восьми» в 2006 г. позволит России при желании перебросить такой мостик между двумя ветвями – формальной и неформальной – «мирового правительства».

ООН разветвленной системой напоминает ни столько модель глобального правительства, сколько прообраз – пока еще бесконечно далекий от идеала – гражданского общества. Именно это направление ее деятельности – в сторону гражданского общества, в сторону больших контактов с национальной общественностью, с негосударственными структурами, с социально ответственным бизнесом – может стать перспективнейшим направлением развития Организации Объединенных Наций.

Перефразируя слова Дж. Кейнса, можно сказать, что наиболее успешная реализация внешнеполитических интересов возможна не на той или иной тенденции в развитии международных отношений, а на сломе тенденций. Именно сломом тенденций глобального регулирования характеризуются современные мирохозяйственные и мирополитические отношения.

Отдельной темой мирорегулирования, где важнейшую роль должна играть Россия, является мировая система энергообеспечения. Следует эффективнее использовать те преимущества, которые дает России ее роль как крупнейшего мирового производителя и экспортера энергоресурсов. В этом смысле предстоит сделать очень многое. Пока же видна удивительная картина: *нефть у нашей страны есть, а «нефтяная дипломатия» находится все еще в стадии становления.*

Требуется глубокая разработка самой настоящей научно обоснованной стратегии отстаивания российских интересов в глобальной топливно-сырьевой сфере. Мы привыкли считать себя ядерной державой, не осознавая свои возможности как по сути дела единственной в мире ядерно-нефтяной страны – государства, способного строить внешнюю политику на гибком сочетании потенциалов как «нефтяного оружия», так и ядерного. Ядерное оружие остается важнейшим, но одновременно – крайним, чрезвычайным, резервным средством национальной обороны. Нефтегазовый фактор должен стать ключевым инструментом проведения наступательной линии, призванной нарастить влияние России на мировые хозяйственные связи и международную политику.

Наша страна обладает уникальным присутствием во всех сегментах энергорынка – нефтяном, газовом, электроэнергетическом и атомном. При этом Россия сама является крупным энергопотребителем и обладает колоссальными транзитными возможностями. Другими словами, нашей политико-энергетической элите объективно должна быть доступна комплексная картина мировой энергетики.

В действительности, несмотря на разговоры об энергетической дипломатии России, как таковая она пока не сформировалась. Более того, спорадическое, и как показывает опыт, не всегда удачное применение энергетического фактора во внешней политике России может оказывать негативное влияние на стратегические интересы страны. Становление энергетической дипломатии, а не просто увеличение объемов продажи продукции ТЭКа, тем более необходимо сейчас, когда мировая энергетика снова входит в фазу политизации, сходной с периодом 1970-х годов, хотя очевидно, что сегодня ситуацию определяют не только ближние и средневосточные страны.

Важным фактором международного контекста развития России является начало нового этапа реформирования отношений и политических изменений на

пространстве СНГ. Отношения с группой относящихся к нему стран определяют важный и деликатный аспект международной политики России.

Содружество Независимых Государств сыграло положительную роль в сдерживании конфликтов в непосредственной близости от России. Вряд ли случайно – за исключением ситуации вокруг Абхазии – непосредственно у границ нашей страны по-настоящему крупных войн и конфликтов, таких, как в Карабахе, Приднестровье или Таджикистане, не было. Они возникали, как правило, в регионах, находившихся на отдалении от российских границ. Можно уверенно сказать: Россия сыграла стабилизирующую роль в СНГ, хотя не такую всеобъемлющую, как это было необходимо.

Из сотрудничества стран СНГ выросло несколько продуктивных экономических инициатив. Наибольшей жизнеспособностью из них обладает организация Евразийского экономического сотрудничества (ЕврАзЭС), способная самостоятельно или в сочетании с Единым экономическим пространством стать ядром реальной экономической интеграции России с избранным кругом заинтересованных и подготовленных для этого государств.

Содружество оказалось питательной почвой и для формирования вокруг России Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В эту организацию вошли только по-настоящему заинтересованные в военно-политическом сотрудничестве между собой страны. Наличие серьезных мотиваций является решающим условием успеха такого сотрудничества, параметры которого предстоит наращивать прежде всего с учетом сложной динамики ситуации в Центральной Азии и недостаточно устойчивой обстановки в Закавказье.

Фактически вокруг России сложилась система отношений с нашими ближайшими союзниками. Структура СНГ выполняет в ней роль универсального инструмента политического диалога наиболее широкого круга региональных лидеров.

ЕврАзЭС превращается в несущую экономическую конструкцию сотрудничества стран, придерживающихся сходных приоритетов в развитии хозяйства. ОДКБ представляет собой военно-политическую опору сотрудничества. В целом, структурирование дружеских и партнерских отношений России с большинством молодых сопредельных государств состоялось. Контуры наших альянсов с ними были подсказаны жизнью, практикой отношений. Это позволяет считать сложившуюся систему жизнеспособной, хотя 15 лет назад возможные очертания сотрудничества России с молодыми странами-соседями рисовались по-другому.

В последние годы на пространстве СНГ происходят довольно динамичные изменения, которые отражают естественное перемещение политических процессов в этих странах на новый исторический этап. Период первичного освоения независимости в этих странах в основном завершился. Наступил этап реального выбора вектора движения вперед в качестве независимых государств. Как видно, в ряде стран элиты оказались не на высоте такой постановки задач.

Надо сказать, что не всегда и не во всем готовыми к такому обороту дел в СНГ оказались как в России, так и в странах Запада. В этой ситуации очевидны попытки России притормозить, смягчить эти процессы, а со стороны Запада — направить эти изменения в русло «евро-атлантической солидарности». Вопрос в том, насколько подобные действия плодотворны в долгосрочном плане. Искусственное растаскивание недостаточно зрелых компонентов пространства СНГ может серьезно усложнить ситуацию в Евразии.

* * *

В середине 2000-х годов глобализация перестала быть хорошо управляемым политическим проектом узкой группы западных стран под руководством США. В известном смысле она «вышла из-под контроля» Запада. Процесс формирования новой мироцелостности оказался гораздо

более обширным, чем просто складывание однотипной, относительно благополучной и миролюбивой общности вестернизированных стран. *Современная глобализация показала свою сложность, противоречивость, малую предсказуемость, а также продемонстрировала военные, политические и экономические опасности процессов, из которых она складывается.*

Можно сказать, что трудности реальной глобализации намного превосходят уровень наших политических знаний о ее механизмах. Сложность современной глобальной международно-политической реальности показывает неуместность упрощенных подходов к ее анализу и пониманию. Мир XXI века становится не более гармоничным, а более сложным. Это не ставит под вопрос его единство и целостность, но побуждает размышлять о более комплексных формулах интеграции, соработничества и даже сосуществования. В условиях реальной глобализации *естественное тяготение к взаимной похуже должно быть разумно уравновешено тенденцией к взаимной терпимости — в том числе к пониманию свободы, которое присуще каждому человеку и каждому народу.*

Во внешней политике России утверждается вектор развития отношений с передовыми западными странами при сохранении высокой степени маневренности на других направлениях международной деятельности. Этот факт обусловлен идентичностью России как демократической страны с глубокими историческими корнями сильного государственного суверенитета и ее неизменным, объективно обоснованным стремлением к роли регионального лидера.

При сравнении эффективности российской внешней политики с политикой других стран Россия выглядит «крепким середняком», который умеет защитить свои жизненно важные интересы, но при этом и достаточно много теряет. Теряет в силу того, что не хватает времени и умения планировать действия на перспективу, концентрировать и эффективно использовать имеющиеся ресурсы.